

СИБИРЬ

405/4 4•2024

**Литературно-художественный
журнал писателей Восточной Сибири**
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Александрю Сергеевичу Пушкину 225 лет

Памяти Александра Пушкина

Владимир Скиф. И вдоль земли скользят немые тени...3

Поэзия

90 лет со дня рождения выдающейся русской поэтессы

Светлана Кузнецова. «На окраине русской надежды...» 21

Татьяна Белявская. «Берёза в чёрном от корней до кроны...» 99

Мargarита Графова. Песня праведного сердца 115

Дарья Ильгова. «Дрожит задетая струна...» 126

Александр Кобелев. Картинки из детства 170

Проза

125 лет со дня рождения

Андрей Платонов. Тверской бульвар. Притча.

Вступление и заключительная часть — Анатолия Сосунова 9

Иван Комлев. Рождество 1987 года. Роман. Части II, III 28

Геннадий Ефиркин. Ностальгия. Рассказы 103

Дмитрий Овчинников. Благое дело. Рассказ 119

Очерк и публицистика

Ирина Прищепова. «Вода, вода, кругом вода...». Об очерке В.Г. Распутина

«Вниз и вверх по течению» 131

Олег Нехаев. Подлецы таких не переносят 149

Литературная критика

Наталья Егорова. Золотой самородок на соболиной тропе.
О жизни и творчестве Светланы Кузнецовой 175

Культурная жизнь

Антон Лухнев. Путь к Пушкину 190

Книжная лавка

Вячеслав Лютый. На русском перепутье.
Изображение и смысл в поэзии Владимира Скифа 192

Эдуард Анашкин. Светлое триединство 198

Книжная полка 202

Главный редактор **Ю.И. БАРАНОВ**
Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**
Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, Ю.И. Баранов, В.В. Козлов,
М.Т. Орлов, О.Н. Полунина, А.М. Семенов, В.Н. Хайрюзов.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600**

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.
Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: shurnal_sibir_irkutsk@mail.ru
Подписано в печать 14.07.2024 г. Дата выхода в свет: 28.07.2024 г. Формат 70x108/16.
Усл-печ. л. 20. Тираж 1000. Цена свободная.
Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес издателя: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.
Отпечатано в типографии: ООО «Цифровик»
Адрес типографии: 664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2

125 лет со дня рождения

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ПЛАТОНОВ Андрей Платонович (настоящая фамилия Климентов) — русский советский писатель, поэт, публицист, драматург, сценарист, журналист, военный корреспондент. Инженер-изобретатель, получивший целый ряд авторских свидетельств и патентов. Участник Великой Отечественной войны.

Родился 16 [28] августа 1899 года в Воронеже.

Выходец из пролетарской семьи, Андрей Платонов до последних дней оставался убеждённым коммунистом, причём — сталинского настроя, не раз пытался вступить в партию и своим творчеством искренне полагал ускорить победу не замузнённого грязью коммунизма. «Антисоветскими» его творения становились совершенно помимо его воли и желания, исключительно благодаря огромному художественному чутью и честному отношению писателя к неповторимому своему дару.

Автор романов «Чевенгур», «Счастливая Москва», множества повестей и рассказов, среди которых «Сокровенный человек», «Ювенильное море», «Епифанские шлюзы», «Котлован», «В прекрасном и яростном мире», «Джан», «Возвращение».

Андрей Платонов — создатель уникального литературного стиля, одной из особенностей которого является употребление детской лексики для выражения далеко не детских вещей и мыслей и опять же с сугубо детской прямоотой и дошностью.

Сталин, пристально следивший за Платоновым, назвал его язык тарабарским и поручил Горькому «перевоспитать» писателя в целом.

Горький, прочитав в рукописи роман «Чевенгур», нашёл его *“чрезвычайно интересным”*, разглядел в Андрее Платонове нового Гоголя, но усомнился, что роман решатся издать.

Самые известные произведения Андрея Платонова долгое время находились под запретом даже после ранней смерти писателя от туберкулёза в 1951 году. Не каждый читатель и сегодня сразу поймёт, что такое «Чевенгур»: грустный шарж или убойная карикатура на коммунизм.

В мировой культуре XX века Андрей Платонов стоит в одном ряду с выдающимися создателями новых направлений и стилей в литературе: Францем Кафкой, Джеймсом Джойсом, Робертом Музилом, Эженом Ионеско, Сэмюэлем Беккетом. Есть также основания считать его писателем-экзистенциалистом.

Андрей Платонов умер 5 января 1951 г. в Москве.

Тверской бульвар

Притча

Старый скрипач-музыкант любил играть у подножия памятника Пушкину. Этот памятник стоит в Москве, в начале Тверского бульвара, на нём написаны стихи, и со всех четырёх сторон к нему поднимаются мраморные ступени. Поднявшись по этим ступеням к самому пьедесталу, старый музыкант обращался лицом на бульвар, к дальним Никитским воротам, и трогал смычком струны на скрипке. У памятника сейчас же собирались дети, прохожие, чтецы газет из местного киоска, — и все они умолкали в ожидании музыки, потому что музыка утешает людей, она обещает им счастье и славную жизнь. Футляр со своей скрипки музыкант клал на землю против памятника, он был закрыт, и в нём лежал кусок чёрного хлеба и яблоко, чтобы можно было поесть, когда захочется.

Обыкновенно старик выходил играть под вечер, по первому сумраку. Для его музыки было полезней, чтоб в мире стало тише и темней. Беды от своей старости он не знал, потому что получал от государства пенсию и кормился достаточно. Но старик скучал от мысли, что он не приносит людям никакого добра, и поэтому добровольно ходил играть на бульвар. Там звуки его скрипки раздавались в воздухе, в сумраке, и хоть изредка они доходили до глубины человеческого сердца, трогая его нежной и мужественной силой, увлекавшей жить высшей, прекрасной жизнью. Некоторые слушатели музыки вынимали деньги, чтобы подарить их старику, но не знали, куда их положить: футляр от скрипки был закрыт, а сам музыкант находился высоко на подножии памятника, почти рядом с Пушкиным. Тогда люди клали гривенники и копейки на крышку футляра. Однако старик не хотел прикрывать свою нужду за счёт искусства музыки; пряча скрипку обратно в футляр, он осыпал с него деньги на землю, не обращая внимания на их ценность. Уходил домой он поздно, иногда уже в полночь, когда народ становился редким, и лишь какой-нибудь случайный одинокий человек слушал его музыку. Но старик мог играть и для одного человека и доигрывал произведение до конца, пока слушатель не уходил, заплакав во тьме про себя. Может быть, у него было своё горе, встревоженное теперь песнью искусства, а может быть, ему стало совестно, что он живёт неправильно, или просто он выпил вина...

В позднюю осень старик заметил, что на футляр, лежавший, как обычно, поодаль на земле, сел воробей. Музыкант удивился, что эта птичка ещё не спит и даже в темноте вечера занята работой на своё пропитание. Правда, за день сейчас трудно накормиться: все деревья уже уснули на зиму, насекомые умерли, земля в городе гола и голодна, потому что лошади ходят редко и дворники враз убирают за ними навоз. Где, на самом деле, питаться в осень и в зиму воробью? Ведь и ветер в городе слаб и скуден меж домами, — он не держит воробья, когда тот протирает утомлённые крылья, так что воробью приходится всё время ими махать и трудиться.

Воробей, обследовав всю крышку футляра, ничего полезного на ней для себя не нашёл. Тогда он пошевелил ножками денежные монеты, взял из них клювом самую мелкую бронзовую копейку и улетел с ней неизвестно куда. Значит, он не даром прилетал — хоть что-нибудь, а взял! Пусть живёт и заботится, ему тоже надо существовать.

На другой вечер старый скрипач открыл футляр — на тот случай, что если прилетит вчерашний воробей, так он может покормиться мякотью хлеба, который лежал на дне футляра. Однако воробей не явился, наверно, он наелся где-нибудь в другом месте, а копейка ему не годилась никуда.

Старик всё же терпеливо ожидал воробья, и на четвёртые сутки он опять увидел его. Воробей без помехи сел на хлеб в футляре и по-деловому начал клевать готовую пищу. Музыкант сошёл с памятника, приблизился к футляру и тихо рассмотрел небольшую птичку. Воробей был взлохмаченный, головастый, и многие перья его поседели; время от времени он бдительно поглядывал по сторонам, чтобы с точностью видеть врага и друга, и музыкант удивился его спокойным, разумным глазам. Должно быть, этот воробей был очень стар или несчастен, потому что он успел уже нажать себе большой ум от горя, беды и долголетия.

Несколько дней воробей не появлялся на бульваре; тем временем выпал чистый снег и подморозило. Старик, перед тем как идти на бульвар, ежедневно крошил в футляр скрипки мягкий тёплый хлеб. Стоя на высоте подножия памятника, играя нежную мелодию, старик постоянно следил взором за своим открытым футляром, за ближними дорожками и умершими кустами цветов на летней клумбе. Музыкант ожидал воробья и тосковал по нём: где он теперь сидит и согревается, что он ест на холодном снегу? Тихо и светло горели фонари вокруг памятника Пушкину, красивые чистые люди, освещённые электричеством и снегом, мягко проходили мимо памятника, удаляясь по своим важным и счастливым делам. Старик играл дальше, скрывая в себе жалкое чувство печали по небольшой усердной птичке, которая жила сейчас где-то и изнемогала.

Но прошло ещё пять дней, а воробей всё не прилетал гостить к памятнику Пушкину. Старый скрипач по-прежнему оставлял для него открытый футляр с накрошенным хлебом, однако чувство музыканта уже затомилось от ожидания, и он стал забывать воробья. Старику многое пришлось забыть в своей жизни безвозвратно. И скрипач перестал крошить хлеб, он теперь лежал в футляре целым куском, и только крышку музыкант оставлял открытой.

В глубине зимы, близ полуночи, началась однажды позёмка. Старик играл последней вещью «Зимнюю дорогу» Шуберта и собирался затем уходить на покой. В тот час из середины ветра и снега появился знакомый седой воробей. Он сел тонкими, ничтожными лапками на морозный снег; потом походил немного

вокруг футляра, задуваемый по всему телу вихрями, но равнодушный к ним и безбоязненный, — и перелетел внутрь футляра. Там воробей начал клевать хлеб, почти зарывшись в его тёплую мякоть. Он ел долго, наверно целых полчаса времени; уже метель почти полностью засыпала помещением футляра, а воробей всё ещё шевелился внутри снега, работая над своей пищей. Значит, он умел наесться надолго. Старик подошёл к футляру со скрипкой и смычком и долго ожидал среди вихря, когда воробей освободит футляр. Наконец воробей выбрался наружу, почистился в маленьком снежном сугробе, кратко проговорил что-то и убежал пешком к себе на ночлег, не захотев лететь по холодному ветру, чтобы не тратить напрасно свою силу.

На следующий вечер тот же воробей опять прибыл к памятнику Пушкину; он сразу же опустился в футляр и стал клевать готовый хлеб. Старик глядел на него с высоты подножия памятника, играл оттуда музыку на скрипке и чувствовал добро в своём сердце. В этот вечер погода стояла тихая, словно усталая после вчерашней едкой позёмки. Наевшись, воробей высоко взлетел из футляра и пробормотал в воздухе небольшую песню...

Утром долго не светало. Проснувшись в своей комнате, музыкант-пенсионер услышал пение выюги за окном. Морозный, жёсткий снег нёсся по переулку и застил дневной свет. На оконное стекло ещё ночью, во тьме, легли замороженные леса и цветы неизвестной волшебной страны. Старик стал любоваться этой воодушевлённой игрою природы, точно природа тоже томилась по лучшему счастью, подобно человеку и музыке.

Идти играть на Тверской бульвар сегодня уже не придётся. Сегодня поёт буря, и звуки скрипки будут слишком слабы. Всё же старик под вечер оделся в пальто, обвязал себе голову и шею шалью, накрошил хлеба в карман и вышел наружу. С трудом, задыхаясь от затвердевшего холода и ветра, музыкант пошёл по своему переулку к Тверскому бульвару. Безлюдно скрежетали обледенелые ветви деревьев на бульваре, и сам памятник уныло шелестел от трущегося по нём летящего снега. Старик хотел положить хлебные комки на ступеньку памятника, но увидел, что это бесполезно: буря тотчас же унесёт хлеб, и снег засыплет его. Всё равно музыкант оставил на ступени свой хлеб и видел, как он исчез в сумраке бури.

Вечером музыкант сидел дома один; он играл на своей скрипке, но некому было его слушать, и мелодия звучала плохо в пустоте комнаты, она трогала лишь одну-единственную душу скрипача, а этого было мало, или душа его стала бедной от старости лет. Он перестал играть. На улице шёл поток урагана, — худо, наверно, теперь воробьям. Старик подошёл к окну и послушал силу бури сквозь замороженное стекло. Неужели седой воробей и сейчас не побоятся прилететь к памятнику Пушкину, чтобы поесть хлеба из футляра?

Седой воробей не испугался снежного урагана. Только он не полетел на Тверской бульвар, а пошёл пешком, потому что внизу было немного тише и можно укрываться за местными сугробами снега и разными попутными предметами.

Воробей тщательно обследовал всю окрестность вокруг памятника Пушкину и даже порывался ножками в снегу, где обыкновенно стоял открытый футляр с хлебом. Несколько раз он пытался взлететь с подветренной стороны на голые, обдуваемые ступени памятника, чтобы поглядеть, не принёс ли туда ураган каких-нибудь крошек или старых зёрен: их можно было бы поймать и проглотить. Однако буря сразу брала воробья, как только он отрывался от снега, и несла его прочь, пока

он не ударялся о ствол дерева или трамвайную мачту, и тогда воробей поскорее падал и зарывался в снег, чтобы согреться и отдохнуть. Вскоре воробей перестал надеяться на пищу. Он разгрёб поглубже ямку в снегу, сжался в ней и задремал: лишь бы ему не замёрзнуть и не умереть, а буря когда-нибудь кончится. Всё-таки воробей спал осторожно, чутко, следя во сне за действием урагана. Среди сна и ночи воробей заметил, что снежный бугор, в котором он спал, пополз вместе с ним, а затем весь снег вокруг него обвалился, рассеялся, и воробей остался один в урагане.

Воробья понесло вдаль, на большой пустой высоте. Здесь даже снега не было, а только голый чистый ветер, твёрдый от собственной сжатой силы. Воробей подумал, свернулся потеснее своим телом и заснул в этом урагане.

Выспавшись, он проснулся, но буря по-прежнему несла его. Воробей уже немного освоился жить в урагане, ему было даже легче сейчас существовать, потому что он не чувствовал тяжести своего тела и не нужно было ни ходить, ни летать, ни заботиться о чём-либо. Воробей огляделся в сумраке бури, — ему хотелось понять, какое сейчас время: день или ночь. Но увидеть свет или тьму сквозь сумрак он не сумел и опять съёжился и уснул, стараясь сберечь тепло хотя бы внутри себя, а перья и кожа пусть остывают.

Когда воробей проснулся во второй раз, его всё ещё несла буря. Он стал теперь уже привыкать к ней, только его брала забота о пище. Холода воробей сейчас не чувствовал, зато и тепла не было, — он лишь дрожал в этом сумраке и потоке пустого воздуха. Воробей снова сжался, стараясь не сознавать ничего, пока ураган не обойдётся.

Проснулся воробей на земле, в чистой и тёплой тишине. Он лежал на листьях большой зелёной травы. Неизвестные и невидимые птицы пели долгие, музыкальные песни, так что воробей удивился и послушал их некоторое время. Затем он убрал и почистил свои перья после вьюги и пошёл кормиться.

Здесь, наверно, шло вечное лето, и пищи поэтому было много. Почти каждая трава имела на себе плоды. На стеблях меж листьями висели либо колосья с зёрнами, либо мягкие стручки с мелкими пряными лепёшками, либо открыто росла крупная сытная ягода. Воробей клевал весь день, пока ему не стало стыдно и отвратительно; он опомнился и перестал есть, хотя мог бы покушать ещё немного.

Проспав ночь на травяном стебле, воробей с утра опять начал питаться. Однако он съел теперь немного. Вчера от сильного голода он не заметил вкуса пищи, а сегодня почувствовал, что все плоды трав и кустарников были слишком сладкими либо, наоборот, горькими. Но зато в плодах содержалась большая питательность, в виде густого, почти опьяняющего жира, и воробей на второй же день слегка пополнел и залоснился. А ночью его стала мучить изжога, и тогда воробей затосковал по привычной кислоте простого чёрного хлеба; его мелкие кишки и желудок заскулили от ощущения тёплой, тёмной мякоти в футляре музыканта у памятника Пушкину.

Вскоре воробей стал вовсе печальным на этой летней, мирной земле. Сладость и обилие пищи, свет воздуха и благоухание растений не привлекали его. Бродя в тени зарослей, воробей нигде не встретил ни знакомого, ни родственника: тут воробьи не жили. Местные, тучные птицы имели разноцветные, красивые перья; они обыкновенно высоко сидели на древесных ветвях и пели оттуда прекрасные песни, словно из их горла происходил свет. Ели эти птицы редко, потому что достаточно было склевать одну жирную ягодку в траве, чтобы насытиться на весь день и на всю ночь.

Воробей стал жить в одиночестве. Он постепенно облетал всю здешнюю страну, поднимаясь от земли чуть выше кустарника, и повсюду наблюдал густые рощи трав и цветов, толстые низкие деревья, поющих гордых птиц и синее, безветренное небо. Даже дожди здесь шли только по ночам, когда все спали, чтобы ненастье не портило никому настроения.

Спустя время воробей нашёл себе постоянное место для жизни. Это был берег ручья, покрытый мелкими камнями, где ничего не росло, где земля лежала более скудной и неудобной.

В береговой расщелине там ещё жила одна змея, но у неё не было яда и зубов, она питалась тем, что глотала влажную почву, как червь, — и мелкие земляные животные оставались у неё внутри, а сжёванная земля исходила обратно прочь. Воробей подружился с этой змеей. Он часто являлся к ней и смотрел в её тёмные, приветливые глаза, и змея тоже глядела на воробья. Затем воробей уходил, и ему становилось легче жить в одиночестве после свидания со змеей.

Вниз по течению ручья воробей увидел однажды довольно высокую, голую скалу. Он взлетел на неё и решил ночевать здесь, на возвышенном камне, каждую ночь. Воробей надеялся, что когда-нибудь настанет буря и она сорвёт его, спящего, с камня и унесёт обратно домой, на Тверской бульвар. Первую ночь спать на прохладной скале было неудобно, однако на вторую ночь воробей уже привык и спал на камне, глубоко, как в гнезде, согреваемый надеждой на бурю.

Старый музыкант понял, что седой, знакомый воробей погиб навсегда в зимнем урагане. Снегопад, холодные дни и вьюги часто не позволяли старику выходить на Тверской бульвар для игры на скрипке.

В такие дни музыкант сидел дома, и его единственным утешением было смотреть на замороженное оконное стекло, где складывалась и разрушалась в тишине картина заросшей, волшебной страны, населённой, вероятно, одними поющими птицами. Старый человек не мог предположить, что его воробей живёт сейчас в тёплом, цветущем краю и спит по ночам на высоком камне, подставив себя под ветер... В феврале месяце музыкант купил себе в зоологическом магазине на Арбате маленькую черепаху. Он читал когда-то, что черепахи живут долго, а старик не хотел, чтобы то существо, к которому привыкнет его сердце, погибло раньше его. В старости душа не заживает, она долго мучается памятью, поэтому пусть черепаха переживёт его смерть.

Живя вместе с черепахой, музыкант стал ходить к памятнику Пушкину совсем редко. Теперь он каждый вечер играл дома на скрипке, а черепаха медленно выходила на середину комнаты, вытягивала худую, длинную шею и слушала музыку. Она поворачивала голову немного в сторону от человека, точно для того, чтобы лучше было слышать, и один её чёрный глаз с кротким выражением смотрел на музыканта. Черепаха, наверно, боялась, что старик перестанет играть и ей опять станет скучно жить одной на голом полу. Но музыкант играл для черепахи до поздней ночи, пока черепаха не клала свою маленькую голову на пол в усталости и во сне. Дождавшись, когда у черепахи закроются глаза морщинами век, старик прятал скрипку в футляр и сам тоже ложился на покой. Но музыкант спал худо. В теле его то постреливало где-нибудь, то щемило, то заходило сердце, и он часто вдруг просыпался в страхе, что умирает. Обыкновенно оказывалось, что он ещё живой и за окном, в московском переулке, продолжалась спокойная ночь. В марте месяце, проснувшись от замиранья сердца, старик услышал могучий ветер;

стекло в окне оттаяло: ветер, наверно, дул с юга, с весенней стороны. И старый человек вспомнил про воробья и пожалел его, что он умер: скоро будет лето, на Тверском бульваре снова воскреснут деревья, и воробей пожил бы ещё на свете. А на зиму музыкант взял бы его к себе в комнату, воробей подружился бы с черепахой и свободно перенёс зиму в тепле, как на пенсии... Старик опять уснул, успокоившись тем, что у него есть живая черепаха, и этого достаточно.

Воробей тоже спал в эту ночь, хотя и летел в ураганном южном ветре. Он проснулся только на одно мгновение, когда удар урагана сорвал его с возвышенного камня, но, обрадовавшись, сейчас же уснул вновь, сжавшись потеплее своим телом. Проснулся воробей уже засветло; ветер нёс его могучей силой в далёкую сторону. Воробей не боялся полёта и высоты; он пошевелился внутри урагана, как в тяжёлом, вязком тесте, проговорил сам для себя кое-что и почувствовал, что хочет есть. Воробей огляделся с осторожностью и заметил вокруг себя посторонние предметы. Он их тщательно рассмотрел и узнал: то были отдельные тучные ягоды из тёплой страны, зёрна, стручки и целые колосья, а немного подальше от воробья летели даже целые кусты и древесные ветви. Значит, ветер взял с собою не одного его, воробья. Маленькое зерно мчалось совсем рядом с воробьём, но схватить его было трудно, благодаря тягости ветра: воробей несколько раз высовывал клюв, а достать зерна не мог, потому что клюв упирался в бую, как в камень. Тогда воробей начал вращаться вокруг самого себя: он перевернулся ножками кверху, выпустил одно крыло, и ветер сразу снёс его в сторону — сначала к близкому зерну, и воробей враз склевал его, а потом воробей пробрался и к более дальним ягодам и колосьям. Он накормил себя досыта и, кроме того, научился, как нужно передвигаться почти поперёк бури. Покушав, воробей решил заснуть. Ему сейчас было хорошо: обильная пища летела рядом с ним, а холода или тепла среди урагана он не чувствовал. Воробей спал и просыпался, а проснувшись, опять ложился по ветру ножками кверху, чтобы дремать на покое. В промежутках меж одним сном и другим он сытно кормился из окружающего воздуха; иногда какая-либо ягода или стручок со сладкой начинкой вплотную прибывались к телу воробья, и тогда ему оставалось только склевать и проглотить эту пищу. Однако воробей побаивался, что ветер когда-нибудь перестанет дуть, а он уже привык жить в буре и обильно питаться из неё. Ему не хотелось больше добывать себе корм на бульварах постоянным хищничеством, зябнуть по зимам и бродить пешком по пустому асфальту, чтобы не тратить сил на полёт против ветра. Он жалел только, что нет среди всего этого могучего ветра крошек кислого чёрного хлеба, — летит одна лишь сладость или горечь. К счастью для воробья, буря шла долго, и, просыпаясь, он снова чувствовал себя невесомым и пробовал напевать сам себе песню от удовлетворения жизнью.

В весенние вечера старый скрипач выходил играть к памятнику Пушкину почти ежедневно. Он брал с собою черепаху и ставил её на лапки возле себя. Во всё время музыки черепаха неподвижно слушала скрипку и в перерывы игры терпеливо ждала продолжения. Футляр от скрипки по-прежнему лежал на земле против памятника, но крышка футляра была теперь постоянно закрыта, потому что старик уже не ожидал к себе в гости седого воробья.

В один из погожих вечеров начался ветер со снегом. Музыкант спрятал черепаху за пазуху, сложил скрипку в футляр и пошёл на квартиру. Дома он, по обыкновению, накормил черепаху, а затем поместил её на покой в коробку с ватой.

После этого старик хотел взяться за чай, чтобы погреть желудок и продлить время вечера. Однако в примусе не оказалось керосина, и бутылка тоже была пустая. Музыкант пошёл покупать керосин на Бронную улицу. Ветер уже прекратился; падал слабый, влажный снег. На Бронной продажу керосина закрыли на переучёт товара, поэтому старику пришлось идти к Никитским воротам.

Закупив керосин, скрипач направился обратно домой по свежему, тающему снегу. Два мальчика стояли в воротах старого жилого дома, и один из них сказал музыканту:

— Дядя, купи у нас птицу... Нам на кино не хватает!

Скрипач остановился.

— Давай, — сказал он. — А где вы её взяли?

— Она сама с неба на камни упала, — ответил мальчик и подал птицу музыканту в двух сложенных горстях.

Птица, наверно, была мёртвая. Старик положил её в карман, уплатил мальчику двадцать копеек и пошёл дальше.

Дома музыкант вынул птичку из кармана на свет. Седой воробей лежал у него в руке; глаза его были закрыты, ножки беспомощно согнулись, и одно крыло висело без силы. Нельзя понять, обмер ли воробей на время или навечно. На всякий случай старик положил воробья себе за пазуху под ночную рубашку — к утру он либо отогреется, либо никогда более не проснётся.

Напившись чаю, музыкант бережно лёг спать на бок, не желая повредить воробья.

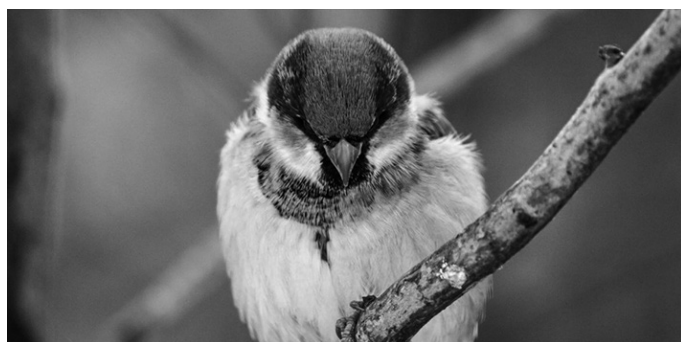
Вскоре старик задремал, но сразу же проснулся: воробей пошевелился у него под рубашкой и клевнул его в тело. «Живой! — подумал старый человек. — Значит, сердце его отошло от смерти!» — и он вынул воробья из теплоты под свою рубашкой.

Музыкант положил ожившую птичку на ночлег к черепахе. Она спала в коробке, — там лежала вата, там воробью будет мягко.

На рассвете старик окончательно проснулся и посмотрел, что делает воробей у черепахи.

Воробей лежал на вате тонкими ножками вверх, а черепаха, вытянув шею, смотрела на него добрыми, терпеливыми глазами. Воробей умер и забыл навсегда, что он был на свете.

Вечером старый музыкант не пошёл на Тверской бульвар. Он вынул скрипку из футляра и начал играть нежную, счастливую музыку. Черепаха вышла на середину комнаты и стала кротко слушать его одна. Но в музыке не доставало чего-то для полного утешения горящего сердца старика. Тогда он положил скрипку на место и заплакал.

Я стал доступен утешенью;

За что на Бога мне роптать,

Когда хоть одному творенью

Я мог свободу даровать!

В чужбине свято наблюдаю

Родной обычай старины:

На волю птичку выпускаю

При светлом празднике весны.

Памятник автору этих строк на Тверском бульваре — важнейший литературный образ в платоновской притче “...о воробье, унесённом ветром в рай и возвратившемся оттуда” (из записной книжки Андрея Платонова, 1936 г.). «Тверской бульвар» — изначальный заголовок (сегодня притча впервые печатается именно под этим заголовком). Андрей Платонов заменил его в надежде, что название «Любовь к родине» облегчит трудности с публикацией этой вещи.

Надежда оказалась тщетной — притча в печать не прошла. Красная площадь не уступила Тверскому бульвару, сердце отринуло душу.

Притча увидела свет спустя уже много лет после смерти автора, во времена хрущёвской «оттепели», под громоздким и поразительно узкоакцентуированным заголовком «Любовь к родине, или Путешествие воробья (Сказочное происшествие)».

В каждом из нас — кто любит мир и знает цену жизни — бьётся горящее сердце; каждый из нас нуждается в утешении, потому что все мы — и вольно, и невольно — наносим удар за ударом по жизни других существ.

Здесь скорбно и бессильно умолкает даже такой могучий целитель нашего сердца, как искусство. Здесь наша извечная вина вызывает к искуплению.

Только прямое и неустанное пособничество торжеству чьих-то хрупких жизней, только спасение обречённого на гибель беспомощного существа может принести человеческому сердцу утешение, а душе — счастливое чувство собственной необходимости и важности в мире.

Птица — символ одухотворённости, символ души. Покормить птиц — значит напитать свои души добрыми чувствами, обрести утраченную одухотворённость.

Покормите птиц. Будьте добры. Будьте культурны.

P.S. Чёрный хлеб и то, что говорится о нём в притче, следует принимать как метафору, как образное выражение. В действительности кормить птиц чёрным ржаным хлебом категорически недопустимо.

Быль и предания

* * *

По московскому бульвару неспешно бежит дворник с метлой и кричит:

— Я вот те постреляю!..

От дворника удирает мальчик с рогаткой и думает: «Вот сейчас убегу... Вот

потом прибегу... Домой... Напьюсь молочка... И сяду читать... Корнея Чуковского...»

А в это время усталый Корней Чуковский сидит на пленуме Союза писателей СССР и думает: «Какая серость!.. Какая бездарь!.. Где же русские писатели?.. Вот приеду домой, напьюсь чаю с вареньем, сяду в кресло и буду читать Хемингуэя».

А в это время Хемингуэй пьёт виски в американском писательском клубе и думает: «Эти ослы воображают, что они в самом деле писатели! Вот вернусь домой и сяду читать Андрея Платонова».

А в это время Андрей Платонов с метлой бежит по московскому бульвару за мальчиком с рогаткой и кричит:

— Я вот те постреляю!..

* * *

Однажды на семинаре в Литературном институте студенты спросили: кто из современных русских писателей самый лучший?

Старый писатель, проводивший семинар, взглянул в окно и движением руки подозвал к себе студентов:

— Видите дворника? Вот этот дворник и есть лучший русский писатель.

Дворником в Литературном институте служил Андрей Платонов.

* * *

Тверской бульвар. Здесь, кажется,
вчера
Андрей Платонов подметал
дорожки.
Шёл семинар у Федина.
И кошки
У мусорного ссорились ведра.

Москва спешила в тёплое метро,
Несла коврижки, булочки,
картошки...
Андрей Платонов подметал
дорожки,
По вечерам дописывая «Фро».

А утром на скамеечке сидел
И сыпал воробьям с ладони крошки.
Ах, слово! Для него ты —
свет в окошке,
Тебя он в эти дни не проглядел.

Писал. Творил. Так гении творят.
Он жил в какой-то тесной
боковушке.

Шутили институтские подружки:
— Наш дворник сочиняет, говорят!

А он входил с Природою в родство,
Сердечный вёл урок чистописанья...
Бессмертие, и слава,
и признание —
Всё это будет!
Только без него...

Эти строчки Владимира Скифа — просто замечательны, а другой известный иркутянин — Игорь Ширококов — однажды выразился так: *“Он дворник, но Дворник с Большой Дороги, с той Большой Дороги, по которой идём все мы, от мала до велика, летят птицы и плещет волна древнего озера, дороги, имя которой — Жизнь”*. Правда, сказано это было уже о другом дворнике...

* * *

Один из античных правителей, известный своими военными неудачами, оказавшись после смерти в царстве теней, попросил богов показать ему самого способного полководца.

Ему показали.

— Да я же его знаю! — воскликнул изумлённый правитель. — Но ведь он был всю жизнь горшечником...

— Вот поэтому ты и не смог выиграть ни одного сражения, — услышал в ответ правитель.

* * *

“Ничего не меняется в нашем мире: как и прежде, молодёжь не хочет слушать старших, а всякий невежда мнит себя писателем”.

Это изречение учёные открыли на папирусе древнего свитка.

* * *

Многие творения Платонова, и в первую очередь «Чевенгур», оставались под запретом ещё долгое время после смерти писателя.

За нелегальное ознакомление советских граждан с текстом романа «Чевенгур» можно было легко загреметь в тюрьму. Такая печальная участь постигла, например, в 1982 году иркутского журналиста Бориса Черных.

* * *

Кто же мы, если взять нас на взгляд со стороны?

Андрей Платонов описывает земную жизнь с такой иноземной зоркостью, с таким неземным (как и Гоголь) акцентом и в таком надземном ракурсе, будто прибыл сюда откуда-то с другой планеты, специальным корреспондентом Космоса — сообщить землянам, что *“будет братство звёзд, зверей, трав и человека”* («Рассказ о многих интересных вещах», 1923 г.).

Такие посланцы время от времени появляются на нашем грустном свете, и тогда мы с удивлением и восхищением читаем:

*“...Если любишь цветок, что растёт где-то на далёкой звезде, хорошо ночью
глядеть в небо. Все звёзды расцветают.*

...И ты полюбишь смотреть на звёзды. Все они станут тебе друзьями.

*...Взгляните на небо. И спросите себя: жива ли та роза или её уже нет? И вы
увидите: всё станет по-другому”.*

Но это — уже Антуан де Сент-Экзюпери («Маленький принц», 1943 г.), мудрый Сент-Экс, ещё один великий провозвестник экокультуры — культуры нашего бытия в мире.

*Подготовка публикации,
вступление и заключительная часть —
Анотолия Сосунова,
автора и ведущего пресс-акции
«Покормите птиц!»*